

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.01

DOI: 10.17223/17267080/67/3

И.А. Васильев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека

*Светлой памяти моего друга
В.Е. Ключко посвящается*

Статья посвящена историко-методологическому анализу исследований психологии мышления с акцентом на проблематику порождения смыслов. Обобщается вклад В.Е. Ключко. Констатируется тенденция развития исследований мышления в психологии, состоящая в предположении, что смена представлений о мышлении сопряжена со становлением предмета психологии и изменением уровней системного подхода. Делается вывод об актуальности рассмотрения мышления человека в интегральной психологической системе, что дает возможность поставить в центр исследований порождение системных сверхчувственных качеств предметов (значений, смыслов и ценностей) в многомерном мире человека. На этих основаниях развивается «смысловая теория мышления», во многом связанная с российскими учеными, ставящая вопросы о роли мышления в «жизнеосуществлении» человека.

Ключевые слова: *смыслообразование; развитие; рациональность; напряженная возможность; целостность; системность; соответствие.*

С В.Е. Ключко меня связывала дружба и опыт долгой совместной работы. Началась эта работа в лаборатории нашего общего учителя О.К. Тихомирова в 70-х гг. прошлого века. В нашем сотрудничестве были разные периоды, но в последние годы жизни Виталия Евгеньевича оно приобрело особенно интенсивный характер. Мы задумывали совместный текст, но не получилось из-за болезни, а потом и ухода от нас Виталия Евгеньевича. Здесь хочется сказать об одном из многих «системных» качеств этого ученого и человека. Это его научная смелость, и не только научная. Он жил «на пределе возможного», жил в направлении «напряженной возможности» и ставил вопросы о «неопознанных психологических объектах» (НПО). Нам предстоит еще не раз обращаться к этим объектам и помнить о вкладе в науку этого ученого.

Развитие представлений о мышлении в психологической науке закономерно выводит на постановку проблемы отражения и порождения смыс-

лов в мышлении человека. Сама же проблема состоит в поиске причин отражения и порождения смыслов. Острота этой проблемы и даже ее драматичность заключается в том, что, как писал Л.С. Выготский: «Невозможна никакая наука только о субъективном ...» [1. С. 415]. Психология поэтому тоже не может развиваться как наука только о субъективном, т.е. о результатах отражения и порождения смыслов. Психологам необходимо проникнуть в природу самих актов отражения и порождения смыслов, т.е. исследовать причины этих актов. Проблематика смыслообразования включается при этом в исторический контекст, понимаемый не как хронология событий, а как становление, т.е. усложнение самой системной организации психологической науки.

На первой стадии изучения мышление выступило в психологии как некий эмпирический факт, как явление. Задача исследователя-«классика», в значении типов научной рациональности [2], состояла в том, чтобы раскрыть мышление, исходя из него самого. Мышление рассматривалось как явление, имеющее некоторое отдельное, независимое, автономное существование. Качества мышления понимались как особые, специфические и изучались сами по себе (*sui generis*). Мышление выступило как нечто непосредственно данное, т.е. вне причинно-генетического объяснения. При этом качества мышления считались как бы известными, по крайней мере в возможности, т.е. потенциально.

Главное на этом этапе заключается в выявлении специфичности, «самости мышления». Применение метода интроспекции в Вюрцбургской школе уже привело к регистрации следующего факта: внутренние элементы мышления связаны структурной или структурно-функциональной связью. При этом каждый «элемент» является частью «целостного мышления» и выступает именно как его специфическая часть. Мышление выступает здесь как причина самого себя (*causa sui*).

Вся европейская классическая традиция изучения мышления в психологии основана на философии и психологии ассоцианизма. В рамках этого подхода сложилась довольно простая конструкция человеческой умственной деятельности, в том числе и мышления: умственная деятельность представлялась как образование связи чувственных представлений в сознании человека, а затем актуализация одного из членов этой связи при появлении в сознании другого члена. Все последующие попытки изучения мышления в психологии отталкивались от ассоциативного подхода и пытались его преодолеть. Сама же идея ассоциации оставалась в неприкосновенности.

Первая попытка опытного, эмпирического и даже «экспериментального» изучения мышления человека была предпринята в Германии в Вюрцбургской школе в начале XX в. Работа проводилась в лаборатории с людьми (квалифицированными психологами), применялся в основном метод систематической интроспекции. В теории постулировалось положение, согласно которому человеку доступно знание *сущности* предметов и явлений действительности. Именно человек способен проникать в сущность

вещей. Закономерно возникал вопрос – как происходит это проникновение? Исследователями осознается проблема ненаглядности, внесенсорности, вневещности, *безобразности* мышления человека. Мышление не сводится к ощущениям, т.е. другие познавательные психические процессы, такие как восприятие и представление, сводятся к ощущениям, а мышление – нет. Это свойство мышления и выступило как его базовая, определяющая характеристика.

Вюрцбургцы подчеркивали, что человек осознает *отношения и взаимосвязи* между окружающими его предметами и явлениями. Эти отношения и взаимосвязи устанавливаются с помощью внутренних действий, направленных на решение задач. Итак, мышление определялось как «внутреннее действие», имеющее определенную цель и выполняемое в соответствующих условиях. Кроме того, выделялись специфические переживания действий, совершаемых в уме.

В соответствии с рассматриваемой ступенью познания мышления в психологии – «предметоцентризмом» [3] – в данной школе осуществлялся поиск особых «элементов» мышления, а также их определение и классификация. Основными элементами мышления выступили «переживания отношений», лишенные чувственно-наглядного содержания. Но это было лишь одно из направлений поисков. Второе направление составили исследование динамики мышления и осознание *проблемы детерминации* мышления. Сюда же относятся вопросы о психологических «механизмах» мышления, т.е. о том, «каким образом» осуществляется мышление. На основе одного лишь механизма ассоциаций нельзя было объяснить упорядоченный и целенаправленный ход мыслительного процесса, требовали объяснения направленность и избирательность мышления.

Специфика мышления в этой школе усматривалась именно в том, что мышление есть деятельность по решению *задач*, в отличие от других видов широкого класса умственной деятельности. Именно в выявлении роли задачи, а также проблемы и вопроса в детерминации мыслительного процесса состоит содержание определения мышления как особой формы умственной деятельности – процесса решения задач. Наиболее детально этот вопрос рассмотрел Н. Ах. Он считает, что человек не осознает хода собственной мыслительной деятельности, т.е. не осознает своих операций и механизмов своего мышления. Поэтому, по его мнению, интроспекция ничего не может дать при исследовании механизмов мышления. Его метод состоял в логическом конструировании концептуальной модели мыслительной деятельности. В теории Н. Аха *детерминирующая тенденция* понимается как *сущность* мыслительной деятельности. Именно эта тенденция придает мышлению целенаправленный характер и упорядочивает ход мысли.

Итак, исследования Вюрцбургской школы обострили две проблемы. Первая связана с ненаглядным характером человеческого знания в целом. В дальнейшем психологи будут пытаться осмыслить эту проблему на пути поиска чувственных основ и предметного содержания абстрактного мышления. Вторая проблема связана с осознанием человеком и выражением им

в речи хода своего мышления. Вопрос можно поставить и в другой форме: как в сознании человека проявляются закономерности мышления? Эмпирические результаты самих же исследователей этой школы подорвали основы интроспективного метода. Исходно этот метод предполагал отождествление сущности мышления с проявлением его в самонаблюдении. Работы исследователей (Г. Ватт, Н. Ах) показали, что такие существенные характеристики мышления, как целенаправленность и избирательность, вообще не выявляются в самонаблюдении. Н. Ах приходит к идее генетического подхода к изучению мышления.

Классическую линию исследований продолжил О. Зельц. Он выдвигает «двойное методологическое требование» – дополнить описательный анализ, во-первых, генетическим анализом и, во-вторых, функциональным анализом [4]. Генетический анализ должен раскрыть то, как происходит формирование того или иного продукта мыслительной деятельности; функциональный же анализ должен показать функцию каждого этапа мыслительной деятельности в детерминации последующих этапов. Принципиальная позиция О. Зельца состоит в отходе от чисто интроспективного понимания мышления. Хотя сознание и остается для него основным предметом психологии, он в то же время считает, что человек не может осознавать все процессы своей мыслительной деятельности и сообщать о них в интроспективном отчете.

В теории О. Зельца впервые четко разделяются содержание мыслительной деятельности и собственно мыслительные операции. Его теория получила название «теория интеллектуальных операций», в ней далее разрабатывается проблематика «механизмов» мыслительной деятельности. Автор стремится преодолеть резкое противопоставление продуктивного и репродуктивного мышления, наметившееся в гештальтпсихологии. Он говорит о репродуктивных и продуктивных компонентах единой мыслительной деятельности.

В ходе анализа процесса решения задачи О. Зельц сосредоточивается на основной, по его мнению, первой стадии процесса решения. Автор считает, что на этой стадии процесс носит продуктивный характер и приводит к образованию «*проблемного комплекса*». В этом комплексе выделены характеристики известного (данного), определено место неизвестного (искомого) и задано отношение между известным и искомым. Таким образом, О. Зельц разрабатывает понятие «задача». С его точки зрения, требование, предъявляемое в задании, можно считать задачей только условно. Для того, чтобы решение начало осуществляться, необходимо, чтобы требования задания и «раздражитель» (например, слово) образовали «общую задачу», т.е. стали частями единого проблемного комплекса.

Исследования мышления с классических позиций были продолжены в гештальтпсихологии. В работах психологов этой школы прослеживается преемственность в поисках специфики мышления, в определении его сущности, происходит также дальнейшее усложнение представлений о мышлении в рамках «предметоцентризма». На примере исследований мышления в

гештальтпсихологии находит хорошее подтверждение тезис о том, что наука в целом является открытой самоорганизующейся системой. Это направление психологии оказалось очень чувствительным к философским и конкретно-научным достижениям своего времени, особенно в области физики.

Основным понятием в гештальтпсихологии мышления становится понятие *структура* и, соответственно, разрабатывается структурный подход. Так, В. Келер конкретизировал принцип структурности по отношению к мышлению как возникновение всего решения задачи в целом в соответствии со структурой психического *поля*. Сам мыслительный процесс исследователь понимал как развитие психической, или феноменальной, структуры. Психическое феноменальное поле, по аналогии с полями в физике, рассматривалось в характеристиках напряжения, возникающего в поле, а также векторов движения в поле. В. Келер использовал принцип структурности для характеристики специфики мышления.

К. Коффка на основе принципа структуры произвел сведение мышления к усмотрению, видению, схватыванию, инсайту, озарению и даже откровению, при этом он всячески подчеркивал наглядность мышления и его по преимуществу интуитивный характер (в оппозиции к Вюрцбургской школе). Сознание же продолжает рассматриваться как замкнутое в себе целое.

Центральным для гештальтпсихологии является тезис о продуктивной природе подлинного мышления. Именно в продуктивности усматривается сущность мышления. Сама же продуктивность понимается как возникновение в мышлении нового качества, не сводимого к свойствам отдельных элементов. В мышлении, таким образом, происходит *порождение* качественно нового гештальта или новой структуры. При этом для мышления характерен именно момент внезапного усмотрения нового качества, нового гештальта или новой структуры.

В гештальтпсихологии используется феноменологический метод Э. Гуссерля для раскрытия механизма мышления. Особенно важно положение о непосредственном усмотрении (видении) сущности. Не субъект в процессе познания обнаруживает сущность, а сущность сама себя обнаруживает. Учение о феноменальном объекте предполагает наличие единого феноменального поля, в котором в слитом виде представлены субъект и объект. Теоретически для гештальтпсихологов не существует объекта (так же как и субъекта) вне сознания, т.е. субъект и объект сливаются в едином феноменальном поле. Участие субъекта придало бы мыслительному процессу произвольность и нарушило его детерминацию. Процесс мышления выводится из «самого себя», в чем ясно проявляется «предметоцентризм», характерный для данного этапа исследования.

В дальнейших исследованиях на первый план в гештальтпсихологии выступает понятие о мышлении как процессе. Этот процесс понимается как движение в феноменальном психологическом поле сознания, как самотрансформация и самореализация проблемной ситуации.

В гештальтпсихологии была проведена значительная работа в области экспериментальной психологии мышления. В. Келер на основе иссле-

дования интеллекта человекообразных обезьян подчеркивал внутренний необходимый характер решения задач животными (в противовес Э. Торндайку). Автор предложил новый экспериментальный метод: рассмотрение различных этапов решения в отношении к целому (структуре, гештальту). Именно в его исследованиях возникла идея о *функциональном значении* части ситуации в отношении целого феноменального поля.

М. Вертгеймер отталкивался от ассоциативной концепции. Его способ экспериментальной работы состоял в реорганизации структуры ситуации в силу *осмысленной* необходимости. Внимание автора было направлено исключительно на продуктивное мышление и законы структуры. Установление структурного значения отдельных частей ситуации обозначается как *центрирование*, под которым понимается путь к рассмотрению частей ситуации в отношении некоторого центра ситуации. В качестве такого центра выступает «основное отношение задачи». М. Вертгеймер ставит задачу вывести внутренние закономерности мышления из самого мышления в соответствии с принципами классицизма и предметоцентризма.

Наиболее значительное экспериментальное исследование мышления человека с позиций гештальтпсихологии провел К. Дункер [5]. Он ясно поставил вопросы: как из проблемной ситуации возникает решение? Какие бывают пути к решению определенной проблемы? В целом процесс решения первоначальной проблемы, согласно К. Дункеру, есть процесс развития или трансформации проблемы. Под функциональным значением автор понимает то, что называется «солью» решения, принципом, тем, в чем заключается суть дела. Специфические свойства ситуации «воплощают» в себе этот принцип, т.е. применяют его к специфическим условиям задачи. Автор постоянно возвращается к вопросу: почему же происходит смена фаз в процессе мышления? Чтобы ответить на этот вопрос, К. Дункер вводит новые понятия (анализ конфликта, анализ материала, анализ цели). Но удовлетворительного ответа проблема динамики мышления так и не находит.

Все полученные в «классический период» исследования результаты сохраняются, так же как и проблемы и противоречия предметоцентризма. Более того, они служат базой и основанием перехода к следующему периоду развития психологии мышления. С точки зрения системного подхода [3] рассмотренный период относится к «досистемному» уровню. Это уровень «простого, непосредственного» знания, когда мышление рассматривается исходя из него самого. Однако и здесь прослеживается тенденция усложнения представлений о мышлении.

Важно вскрыть внутреннюю необходимость выхода за пределы «предметоцентризма» и наметить направление этого выхода. Такая необходимость состояла в накопившихся внутренних противоречиях и соответствующих проблемах, а также в неудовлетворительности предложенных решений. Стремление разрешить эти противоречия закономерно обусловило становление первой формы системного подхода в психологии [6] и, соответственно, в психологии мышления.

«Классическая» логика исследования состояла в том, чтобы установить качество (сущность) мышления как его специфическое качество, присущее мышлению самому по себе. Для этого необходимо было воздействовать на мышление извне и по особенностям «реагирования» мышления выявить его качественную специфику. Здесь и возникает основное противоречие «предметоцентризма»: определение внутренней специфики мышления возможно только в том случае, если обратиться к другому «предмету», также обладающему качественной спецификой. Этот другой «предмет» выступает как «проявитель» специфики мышления, но этот же другой предмет рассматривается и как «внешнее» по отношению к «внутреннему», т.е. мышлению. Появление в «ментальном пространстве» исследователя-«классика» «другого предмета», «внешнего» по отношению к «внутреннему» (мышлению), и означает начало закономерного перехода от «предметоцентризма» к первому уровню системного подхода в психологии и, соответственно, в психологии мышления.

Весь «классический» период развития психологии мышления основан на «принципе спецификации» [7. Т. 1. С. 431]. Смысл его состоит в том, что «качество целостного явления есть то, что определяет его специфическую реакцию (т.е. специфицирует эту реакцию) и является неким внутренним трансформатором внешних воздействий» [3. С. 49]. Этот принцип важен тем, что является внутренней основой возникновения принципов детерминизма в психологии и, в частности, в марксистской психологии. Этот принцип не был рассчитан на системное исследование и выражал суть уровня «предметоцентризма». Вместе с тем он служит основой перехода к первой форме системного подхода в психологии, в том числе и психологии мышления.

В этом принципе содержатся некоторые особенности, имеющие важное значение для дальнейшего развития психологии в целом и психологии мышления в частности. Так, этот принцип направлен на объяснение только одного – «внутреннего» в данном случае мышления, а не причинно-следственных связей между внутренним и внешним, субъективным и объективным. Другой особенностью этого принципа является то, что он фиксирует неравновесность (гипертрофию) одного из факторов – внутреннего или внешнего. Эта гипертрофия продолжает присутствовать внутри принципов детерминизма в марксистской психологии [6].

Первая типологическая форма (и уровень) системного подхода в психологии возникла в связи с закономерной конкретизацией понятий «внешнее», «внутреннее» и их взаимоотношений, реализующихся на основе различных принципов детерминизма. Предмет исследования – мышление – стал рассматриваться не с точки зрения выявления его внутренней сущности, природы, внутреннего качества (структуры, гештальта), а с точки зрения связи мышления с целым классом различных явлений объективного мира.

На этом этапе решающую роль стал играть «принцип взаимосвязанности», характерный для первой формы системного подхода. Главными

становятся не понятия «целостности» или «единства» (например, структуры, гештальта), а понятие «разнокачественности» мышления. Такое понимание системности сохраняется до сих пор. Так, А.В. Брушлинский отмечает, что системность психического означает, что в различных связях и отношениях оно выступает в соответственно разных качествах [8].

В этот период происходит довольно быстрое обнаружение различных характеристик мышления, не сопоставимых между собой. Предмет психологии мышления стал превращаться в нечто неуловимое, «расползающееся» по разным микросистемам. Это противоречие раньше других осознал С.Л. Рубинштейн. К тому времени он проделал большую работу по выявлению самых существенных связей мышления с другими объективными явлениями действительности на базе марксистской методологии. При этом автор оставался на уровне первой формы системного подхода, т.е. продолжал рассматривать мышление во всех обнаруженных к тому времени объективно существующих связях.

С.Л. Рубинштейн ставил проблему интеграции, т.е. раскрытия внутренней связи различных характеристик мышления. Для того чтобы обнаружить эту связь и выйти к интегральной характеристике мышления, необходимо было выработать принцип, позволяющий произвести синтез разнокачественных характеристик мышления. Принцип детерминизма, предложенный С.Л. Рубинштейном, имеет явную генетическую связь с «принципом спецификации» Гегеля. Этот принцип гласит: «Внешние причины действуют через внутренние условия, формирующиеся в зависимости от внешних воздействий». Формулировка этого принципа позволила автору выйти на понятие «взаимодействие» (мыслящего субъекта с мыслимым объектом), от этого понятия закономерно перейти к понятию «отражение», а от него выйти к функции психического – регуляции, как общему основанию интеграции разнокачественных характеристик, в частности мышления.

С.Л. Рубинштейн опирается на «классические» исследования мышления, в особенности на исследования в гештальтпсихологии. Он принимает фактическую (экспериментальную) часть этих исследований, но переосмысливает ее с позиции марксистской методологии. Мышление выступает как процесс, как деятельность. На первый план выходят операции мышления. Анализ и синтез – «общие знаменатели всего познавательного процесса» [9. С. 30]. Основная проблема мышления – это проблема детерминации: «Проблема детерминации – основная проблема научной психологической теории» [Там же. С. 23]. Саму же детерминацию автор понимает как соотношение внешних и внутренних условий психического процесса [Там же. С. 24].

На первом уровне системного подхода не удалось осуществить интеграцию накопленных психологических знаний о мышлении. Основная причина этого заключается в объяснительных возможностях самого принципа детерминации, в котором заложена исходная неравновесность внутреннего и внешнего (субъекта и объекта). Так, в принципе детерминизма, сформулированном С.Л. Рубинштейном, преимущество отдается «внешнему». Он пишет: «Исходными являются внешние условия, но они дей-

ствуют через посредство внутренних» [9. С. 23]. Он формулирует положение, согласно которому «исходным в детерминации мышления как познания являются внешние объективные данные...» [Там же]. Можно предположить, что именно гипертрофия в принципе детерминизма явилась причиной многих противоречий, соответственно, нерешенных проблем в психологии мышления. Так, до сих пор не объяснена детерминация «инициативного поведения», т.е. свободного, творческого, нефункционального, осуществляемого за пределами необходимости.

Первый уровень системного подхода – это сложный и еще не законченный период в развитии психологии мышления. Важно то, что реализация первого уровня системности привела к выделению ряда аспектов в исследовании мышления. Сама невозможность интеграции разнокачественных свойств мышления привела к тому, что различные школы и направления продолжали интенсивно изучать значимые для них связи и отношения. При этом постепенно происходил переход от изучения мышления в аспекте некоторой значимой связи с некоторым явлением к изучению самого явления, которое в этой связи присутствовало. Так в психологии мышления возникли «моносистемы», и начался период реализации второй типологической формы системного подхода [6].

Для второй формы системного подхода характерно «выявление реальной общности вещей, их общего качества или принадлежности к одной системе» [3. С. 55]. За основу берется, таким образом, понятие «однородности», или «однотипности», в частности явлений мышления. При всем многообразии и разнокачественности явления мышления выступили как явления одной природы. Отсюда был сделан вывод, что эти явления и сами могут рассматриваться как подсистемы разных моносистем – психики, деятельности, личности. Эти моносистемы и стали предметом исследования различных научных школ. Были сформулированы соответствующие принципы – деятельностного подхода, личностного подхода, принцип отражения. Каждая моносистема получает при этом достаточную автономию и не испытывает потребности в категориях и понятиях другой моносистемы. В различных моносистемах используются различные принципы детерминизма, представляющие собой варианты соотношения внутреннего и внешнего, субъекта и объекта. Дезинтеграция психологического знания при этом нарастает.

Типичной формой реализации второго уровня системного подхода в психологии является разработка проблематики мышления в школе О.К. Тихомирова. Работа в этом направлении началась в 60-х гг. XX в. в рамках деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. В отношении деятельности А.Н. Леонтьев писал, что это «система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [10. С. 82]. Мышление также исходно рассматривалось как деятельность человека, обладающего сознанием, т.е. тоже как специфическая система. В работах О.К. Тихомирова [11–16] и его учеников и сотрудников [12–15] явно стали проявляться вначале идеи неклассической, а затем и постнеклассической науки. Эти идеи

трудно приживались в психологии, поскольку намного опережали свое время и создавали напряжение и драматизм в психологическом сообществе.

Речь шла о методологии психологии, и идеи О.К. Тихомирова выходили за рамки психологии мышления и были связаны с объективными тенденциями развития психологии. Наиболее явно эта особенность творчества автора проявилась тогда, когда он сформулировал тезис «о психике как порождении новой реальности» [17. С. 59]. Этот тезис и сегодня вызывает «шок», а иногда и «гнев» в психологическом сообществе. В лаборатории О.К. Тихомирова использовался тип мышления, превосходящий «галилеевский». При галилеевском способе мышления открываются такие качества «предметов», которые обнаруживаются только при рассмотрении «предметов» в целостной системе. Способ мышления в тихомировской лаборатории требовал рассматривать такие качества (свойства) «предметов», которые *порождаются* системой и на которые система опирается в своем дальнейшем развитии. Это был решающий шаг.

В школе О.К. Тихомирова, с одной стороны, интенсивно накапливались новые экспериментальные факты, а с другой стороны, вызревали противоречия, обусловившие относительно быстрый переход по уровням системного подхода в психологии. Уже в конце 60-х гг. XX в. стали появляться экспериментальные данные о «субъективных измерениях, которые имеет проблемная ситуация», о «неформальной ценностно-смысловой структуре ситуации». В лаборатории изучалось мышление как деятельность, при этом фиксировались процессы *порождения* психологических *новообразований*. Исследователи пытались выяснить их роль в детерминации, направленности, избирательности мыслительной деятельности. В этой связи изучалось становление (порождение) *смыслов* как тех конкретных новообразований, которые и определяют направление мыслительной деятельности, ее избирательность. Было сделано открытие «операциональных смыслов» (Тихомиров, Терехов, 1969). Развернутое экспериментальное доказательство получила гипотеза Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта, а также были получены конкретные данные об опережающей роли эмоций в мышлении (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980).

Все эти результаты уже не укладывались в рамки «деятельностного подхода» и соответствующего ему второго уровня системного подхода в психологии. В школе О.К. Тихомирова обнаружились явные противоречия. Так, мышление исследовалось как «высшая форма отражения», а данные требовали говорить о *порождении* смысловых новообразований. Стала оформляться «смысловая теория мышления» (Тихомиров, 1984), в основе которой лежит переход к *третьей* форме системного подхода в психологии и соответствующей ей постнеклассической методологии [18].

Переход к третьей форме системного подхода в психологии, так же как и в других науках, связан с «раскрытием специфического закона системы явлений» [3. С. 55]. Решающим здесь становится вопрос – о какой системе идет речь? На этом уровне должен быть преодолен «моносистемный» подход второго уровня системности. Разработка смысловой теории мышления потребо-

вала восстановления преемственности и внутреннего единства школы Л.С. Выготского–А.Н. Леонтьева–А.Р. Лурия в целом. В методологическом плане О.К. Тихомиров, изучая мышление, продолжил поиск «переходных форм» между Духом и Материей, т.е. между человеком и миром, который начал Л.С. Выготский. Речь поэтому шла о системе «человек–мир».

Противоречия в школе О.К. Тихомирова постепенно накапливались. Так, реально исследовалась *самоорганизация* человеческого мышления, а писать приходилось о саморегуляции мышления. То есть о том, что мышление регулирует взаимоотношения человека с окружающей его «объективной реальностью» и ориентирует человека в ней на основе принципа отражения. Если же обратиться к идеям Л.С. Выготского, то уже в 30-е гг. XX в. он писал о том, что функция психики заключается не в отражении, «а в том, что психика есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [19. С. 347]. Таким образом, речь шла об избирательности в «психологических системах». Только в конце XX в. в ходе развития науки в целом произойдет сближение понятий «самоорганизация» и «способ существования открытых систем» (в частности, системы «человек–мир»). В конце же 1960-х – начале 1970-х гг. эти идеи еще не были востребованы. «Крамольной» казалась сама идея о том, что между человеком и «объективным миром» может стоять какая-то «третья реальность», искажающая «объективный мир».

В лаборатории О.К. Тихомирова, в самом эксперименте эта «третья реальность» буквально становилась очевидной – «предметы выходили из себя», они приобретали «субъективные измерения» и благодаря этому «двигались в план сознания», порождалась «неформальная ценностно-смысловая структура ситуации». Все это подтверждало гипотезу Л.С. Выготского о том, что положительная роль психики – не в отражении, а в том, чтобы «субъективно искажать действительность в пользу организма» [19. С. 347].

В 70-е гг. XX в. в лаборатории О.К. Тихомирова возник сложный для самих исследователей вопрос о *порождении* системных сверхчувственных качеств (смыслов) в актах взаимодействия человека с миром. Исследователи не смогли тогда оценить именно *порождающий* эффект взаимодействия. Объяснительные возможности отечественной психологии в целом также были ограничены. Возникла парадоксальная ситуация – психологам пришлось констатировать существование двух логик – логики деятельности и логики отражения (Ломов, 1984). В то же самое время О.К. Тихомиров опроверг это раздвоение, скорее даже экспериментально, чем теоретически (Тихомиров, 1984). При этом был применен метод синхронной регистрации кожногальванической реакции (КГР) и развертки содержательного состава деятельности.

Последующий ход развития науки показал, что в школе О.К. Тихомирова были правильно спрогнозированы тенденции развития психологии. В начале 1970-х гг. психология только еще привыкала к осмыслению зарождавшихся в ней идей неклассицизма. Преимущественно же психика рассматривалась в своей адаптивной функции, т.е. основной была идея

гомеостаза. Психология только еще приспосабливалась к идее о «трансцендентальной» природе человека, т.е. к его «гетеростазической», а не гомеостатической природе, а О.К. Тихомиров предлагал уже идеи постнеклассического уровня. Становление смыслов, определяющее направление мыслительной деятельности, выступило в качестве новообразований, в которых одновременно представлено и внутреннее, и внешнее, т.е. субъективное и объективное. Это было обнаружено О.К. Тихомировым и его сотрудниками уже к началу 70-х гг. XX в., и только к 1990-м гг. Г. Хакен пришел к выводу о том, что взаимодействие внутреннего и внешнего порождает параметры порядка, которые по своей природе являются внутренне-внешними (Хакен, 2001).

В школе О.К. Тихомирова уже в 70-е гг. XX в. решалась проблема, связанная с ролью психологических новообразований (смыслов) в самоорганизации человека. Гипотеза Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта получила уже в те годы развернутое экспериментальное подтверждение (Тихомиров, 1984). И только позднее были сделаны открытия в области нейрофизиологии эмоций, позволившие более полно объяснить связь эмоций со смыслообразованием и избирательностью сознания (Бехтерева, 1988) [6. С. 73]. Об опережающей роли эмоций в мышлении в лаборатории О.К. Тихомирова были получены экспериментальные данные уже в конце 1960-х гг., и лишь намного позже в области физиологии эмоций будут обнаружены механизмы, объясняющие и на физиологическом уровне то, каким образом и почему эмоциональная реакция опережает когнитивную (ЛеДу, 1995) [6. С. 5].

Психология «мучительно медленно» и постепенно приближается к исследованию «человеческих миров», к констатации «многомерных жизненных пространств», к «ценностно-смысловой развертке» реальной жизни человека. При этом методологическая значимость идей, выдвинутых О.К. Тихомировым, становится все более значимой и востребованной.

Проведенный анализ показывает, что психология мышления проходит ту же эволюцию, что и психология как наука, составляющая подсистему науки в целом. Происходит подъем по уровням системной организации как в мышлении самих исследователей, так и в понимании мышления как объекта психологического исследования. Как и в любой области науки, здесь наблюдаются преемственность в познании и усложнение представлений о мышлении. От «предметоцентризма» происходит закономерный переход к первому уровню системного подхода, а от него ко второму и далее третьему уровню, и этот процесс продолжается.

В другой проекции мы видим изменение концентрации усилий и внимания психологов на различных аспектах этого сложного «объекта»: вначале внимание было привлечено к трактовке мышления как познания сущности предметов и явлений окружающего мира. Затем акцент сместился на познание связей и отношений мышления с другими «явлениями» мира, а далее последовал «моносистемный» период в развитии психологии мышления (мышление как деятельность, мышление как процесс и т.д.).

Постепенно акцент в исследованиях мышления смещается в направлении понимания мышления как специфически человеческого способа познания сверхчувственных системных качеств, порождаемых в «психологической системе». В этом и проявляется, по нашему мнению, тенденция в развитии данной области знания. Еще в одной проекции мы можем трактовать это движение «психологии мышления» как переход по типам или «идеалам» рациональности: классика–неклассика–постнеклассика и далее... (Степин, 2011).

Актуальное состояние дел в области «психологии мышления» характеризуется нарастающей дифференциацией и дезинтеграцией психологических знаний в этой области познания, как, впрочем, и в других областях психологии. Споры в научном сообществе психологов часто оказываются неконструктивными. Эти споры ведутся представителями разных уровней системного подхода, с позиций разных «моносистем», изолированных друг от друга. Трудно становится соотносить эмпирические данные, полученные в разных моносистемах, поскольку в разных моносистемах порождаются, а затем отражаются разные системные качества, не соотносимые между собой. Попытки «состыковать» теории, реализующие разные уровни системного подхода, обречены на неуспех. Однако эти попытки обостряют противоречия, и в этом их положительная роль. При попытках соотнесения моносистемных теорий одного уровня системности чаще всего обнаруживается тенденция к поглощению одной теории другой на основе ее основных принципов, что также обостряет противоречия.

За таким положением дел явно «просвечивает» тенденция к интеграции психологического знания, в частности в области психологии мышления. Постепенно становится ясно, что смысл интеграции состоит не в подчинении одной теории другой и не в подмене одного ведущего принципа другим. Смысл такой интеграции состоит в порождении (производстве) новых интегральных принципов, снимающих односторонность (гипертрофию, неравновесность, абсолютность) исходных принципов.

Показательной в этой связи является попытка А.В. Брушлинского соотнести основные понятия психологической теории деятельности (значение и смысл) с основными понятиями теории психического как процесса (анализ и синтез). С точки зрения автора, значение и смысл постепенно раскрываются субъектом посредством анализа и синтеза как разные качества одного и того же объекта, включаемого в разные системы связей и отношений. Здесь А.В. Брушлинский выступает против того представления, согласно которому смысл – это то, что «привносится субъектом в объект». Автор усматривает в этом «привнесении» путь к субъективизму.

Но тогда закономерно возникает «простой» вопрос – откуда же в объективном «берется» субъективное, внутреннее во внешнем, как оно туда проникает? Если субъективное существует (содержится) в объективном, то тогда его можно «открыть» путем анализа и синтеза. Но, согласно А.В. Брушлинскому, его там нет. Автор пишет: «Психическое принадлежит человеку как субъекту и потому всегда субъективно» [22. С. 185]. Ло-

гика требует признать, что субъективное (психическое) «привносится» в объект субъектом. Но как тогда уйти от проблемы «субъективизма»? Как понять «наличие внутреннего во внешнем»? При этом понять таким образом, чтобы избежать обвинения в «спиритуализации материи» и «материализации психического».

Соотнесение теорий, реализующих разные формы и уровни системного подхода и использующих разные формулы детерминизма, приводит к предельному обострению противоречий. Но порождение и отражение такого противоречия является продуктивным в том смысле, что намечает путь к новой формуле детерминизма, той формуле, которая станет необходимой для реализации третьего уровня и формы системного подхода в психологии. Если применить принцип детерминизма, соответствующий третьему уровню системного подхода, то противоречие «снимется», поскольку оно порождается как раз применением разных форм (и уровней) системности и стоящими за ними исходными принципами.

А.В. Брушлинский как психолог, занимавшийся проблемами мышления, очень точно «ухватил» центральное звено в процессе взаимодействия человека с миром. Возможно, это звено и станет в центре внимания психологической науки в ближайшей перспективе в процессе перехода к третьей типологической форме системного подхода. Суть проблемы состоит в том, что «смыслы» действительно «привносятся» в объект (в том значении, что «смыслы» порождаются человеком, взаимодействующим с миром). В то же время смыслы действительно отражаются субъектом, но как особые качества объекта, системные сверхчувственные качества. Эти два положения невозможно непротиворечиво соединить, оставаясь на первом или втором уровнях системного подхода. Но третья форма (и уровень) системного подхода как раз и является методологическим средством интеграции разнокачественных характеристик «смысла», являющегося частью различных систем реального мира.

Познать эту «смысловую» реальность можно только с помощью мышления, но мышления особого типа на третьем уровне системного подхода, используя принципы постнеклассицизма в науке. Смыслы – это системные интегральные совокупные сверхчувственные качества предметов. Эти качества производятся (порождаются) в актах взаимодействия двух систем – человека и мира. На этом уровне мышления необходимо признать, что в ходе взаимодействия двух систем – человек и мир – происходит не только их взаимоотражение, но и взаимопроникновение и производство (порождение) особых системных качеств – значений, смыслов, ценностей, которые и становятся определяющими факторами дальнейшего системного развития, т.е. «параметрами порядка».

Итак, тенденция в развитии исследований мышления в психологии состоит в том, что вместе со становлением предмета психологии, изменением уровней системного подхода в психологии происходит и смена представлений о мышлении в психологии. Мышление человека начинает рассматриваться в интегральной психологической системе, что дает возмож-

ность поставить в центр исследований порождение системных сверхчувственных качеств предметов (значений, смыслов и ценностей) в многомерном мире человека. Таким образом, развивается «смысловая теория мышления», в которой ставятся вопросы о роли мышления в жизнедеятельности и «жизнеосуществлении» человека.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. 488 с.
2. Степин В.С. История и философия науки. М. : Академический проект ; Трикста, 2011. 423 с.
3. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М. : Политиздат, 1986. 399 с.
4. Zelz O. Ueber die Gesetze des geordneten Denkverlaufs, Zweiter Telli Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums. Bonn, 1922. S. 272.
5. Dunker K. Zur Psychologie des produktiven Denkens. Berlin: Springer, 1935. S. 65.
6. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск : ТГУ, 2005. 174 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
8. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М. : Мысль, 1979. 230 с.
9. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М. : АН СССР, 1958. 151 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
11. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 304 с.
12. Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования / под ред. А.Н. Леонтьева и др. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. Вып. 1. С. 3–24.
13. Тихомиров О.К., Терехов В.А. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи // Вопросы психологии. 1969. № 4. С. 66–84.
14. Терехов В.А., Васильев И.А. Исследование процессов целобразования при решении мыслительных задач // Вопросы психологии. 1975. № 1. С. 12–21.
15. Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 23–31.
16. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 192 с.
17. Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 51–57.
18. Тихомиров О. К. Психология мышления : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
19. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 2: Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. 504 с.
20. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
21. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М. : Per Se, 2001. 353 с.
22. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва ; Воронеж, 1996. 392 с.

Сведения об авторе:

ВАСИЛЬЕВ Игорь Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-m: w_igor@mail.ru

Поступила в редакцию 11.11.2017 г.; принята 24.12.2017 г.

REFLECTION AND THE CREATION OF MEANING IN HUMAN THINKING

Siberian journal of psychology, 2018, 67, 27–43. DOI: 10.17223/17267080/67/3

Vasilyev Igor A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: w_igor@mail.ru

Keywords: creation of meaning; development; rationality; tense possibility; integrity; system; compliance.

The historical analysis of the development of ideas about thinking in psychology shows the cross-cutting nature of the issues concerning reflection and creation of meanings. The acuteness of the problem is due to the fact that psychology cannot study reflection and creation of meanings by themselves, but must penetrate into the nature of these processes, and understand their reasons. Representations about reasoning in general determine the boundaries of understanding of thinking. The study of the psychology of thinking leads to the problem of becoming, that is of the complexity of the systematic organization of the psychological science.

The psychology of thinking goes through the same evolution as psychology, which is a subsystem of science. There is a rise in the levels of the system organization, both in the thinking of the researchers themselves, and in the understanding of thinking as an object of a psychological research. Like in any other field of science, in psychology there is continuity in the cognition and complexity of ideas regarding thinking. There is a natural transition from “subject-centrism” to the first level of the system approach and from the first level to the second one and further to the third level; and this process continues.

Gradually, the emphasis in the research shifts in the direction of understanding thinking as a specifically human way of cognizing the supersensible system qualities that are generated in the “psychological system”.

The current state of affairs in the field of the psychology of thinking is characterized by the growing differentiation and disintegration of psychological knowledge in this field, as well as in other areas of psychology. Disputes are conducted by the representatives following different levels of the system approach, from the positions of different “mono-systems”, isolated from each other. It is difficult to correlate the empirical data obtained in different mono-systems, because these systems generate and then reflect different system qualities that are not correlated with each other. The attempts to “dock” theories that implement different levels of the system approach are doomed to failure. However, these attempts exacerbate the contradictions, thus playing a significant role. When trying to correlate mono-system theories of the same level of systemic nature, the tendency to absorb one theory by the other on the basis of its basic principles often emerges; this also exacerbates contradictions.

In this context a tendency to integrate psychological knowledge in particular in the field of the psychology of thinking becomes clear. Gradually it becomes obvious that the meaning of integration does not consist in subordinating one theory to another and not in substituting one leading principle by another. The meaning of such integration consists in the generation (creation) of new integral principles that remove one-sidedness (hypertrophy, nonequilibrium, absoluteness) of the initial principles.

References

1. Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy* : v 6 t. [Collected Works. In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
2. Stepin, V.S. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta.
3. Kuzmin, V.P. (1986) *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The principle of systematicity in Marx's theory and methodology]. Moscow: Politizdat.
4. Selz, O. (1922) *Ueber die Gesetze des geordneten Denkverlaufs, Zweiter Tell* [About the laws of orderly thinking, second part].

- The second Telli on the psychology of productive thinking and error]. Bonn: [s.n.]. pp. 272.
5. Dunker, K. (1935) *Zur Psychologie des produktiven Denkens* [On the psychology of productive thinking]. Berlin: Springer. pp. 65.
 6. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti* [Self-organisation in psychological systems: problems of the formation of the individual's mental space]. Tomsk: Tomsk State University.
 7. Hegel, G.V.F. (1970) *Nauka logiki: v 3 t.* [The science of logic: In 3 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
 8. Brushlinskiy, A.V. (1979) *Myshlenie i prognozirovaniye* [Thinking and forecasting]. Moscow: Mysl'.
 9. Rubinstein, S.L. (1958) *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [On thinking and ways of its research]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
 10. Leontiev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
 11. Tikhomirov, O.K. (1969) *Struktura myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka* [Structure of human thinking]. Moscow: Moscow State University.
 12. Tikhomirov, O.K. & Vinogradov, Yu.E. (1969) Emotsii v funktsii evristik [Emotions functioning as heuristics]. In: Leontiev, A.N. et al. (eds) *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. Moscow: Moscow State University. pp. 3–24.
 13. Tikhomirov, O.K. & Terekhov, V.A. (1969) Znachenie i smysl v protsesse resheniya myslitel'noy zadachi [Meaning in solving mental problems]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 66–84.
 14. Terekhov, V.A. & Vasiliev, I.A. (1975) Issledovanie protsessov tseleobrazovaniya pri reshenii myslitel'nykh zadach [Studies of goal-formation in solving mental problems]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 12–21.
 15. Tikhomirov, O.K. & Klochko, V.E. (1980) Emotsional'naya regulyatsiya myslitel'noy deyatel'nosti [Emotional regulation of mental activity]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 23–31.
 16. Vasiliev, I.A., Popluzhnyy, V.L. & Tikhomirov, O.K. (1980) *Emotsii i myshlenie* [Emotions and thinking]. Moscow: Moscow State University.
 17. Klimov, E.A. (1992) Ob ambifлектornoй prirode psikhicheskogo [On the ambiflective type of the mental nature]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 51–57.
 18. Tikhomirov, O. K. (1984) *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of Thinking]. Moscow: Moscow State University.
 19. Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
 20. Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka.
 21. Haken, G. (2001) *Printsipy raboty golovnogogo mozga* [Principles of the brain functioning]. Translated from German by Yu. Danilov. Moscow: Per Se.
 22. Brushlinskiy, A.V. (1996) *Sub"ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Subject: thinking, teaching, imagination]. Moscow; Voronezh: MODEK.

Received 11.11.2017;

Accepted 24.12.2017